

Линь Цзэюй поднялся и направился к Гоэну. Тот по-прежнему лежал неподвижно, не подавая ни малейших признаков пробуждения, однако его жизненные показатели восстановились и стабилизировались. Линь Цзэюй молча смотрел на него, и в его глазах отражался свет, словно рябь на поверхности ночного озера.

Внезапно хвост жука, свернувшийся в складках больничной одежды, слегка задрожал. Линь Цзэюй, словно очнувшись от оцепенения, на мгновение замер, а затем вошел в ванную и снял одежду.

Он посмотрел на свой хвост в зеркале: казалось, он стал не таким тусклым, как раньше, а черные волоски на хвостовом крюке — намного более гладкими. Линь Цзэюй протянул руку и дотронулся до собственного хвоста жука, легко сжав его. Ему показалось, что он смутно ощущает тепло собственной ладони.

— Рецептор эмоций? И впрямь удивительная раса...

На следующий день Линь Цзэюй по обыкновению прошел процедуру лечения. Всё было как обычно: та же последовательность действий, те же ощущения. Однако пациенту, судя по всему, ввели новый препарат: Билл пояснил, что это буферное средство, добавленное из опасений, что стимуляция окажется слишком сильной.

На этот раз, наблюдая за действиями Билла через отражение в стене, Линь Цзэюй отметил, что они практически не отличаются от земных медицинских манипуляций. Вероятно, главная разница в медицине заключалась лишь в приборах и особенностях анатомического строения.

Линь Цзэюй все время чувствовал, что что-то забыл, но боль была настолько сильной, что он устало закрыл глаза.

Сквозь сон до него доносились голоса — казалось, вокруг толпилось много людей, но вскоре они сменились диалогом двух хорошо знакомых собеседников, а чуть позже все звуки стихли. Когда он снова обрел сознание, то почувствовал, что кто-то касается его лица. Медленно открыв глаза, он увидел Гоэна, который сидел на корточках у кровати и тихо смотрел на него, точно так же, как за бесчисленные годы их прошлой совместной жизни. Гоэн находился очень близко к нему — настолько близко, что Линь Цзэюй чувствовал его дыхание, видел его густые, отчетливо различимые каштановые ресницы и собственное отражение в его зрачках.

— Гоэн, ты проснулся!

Гоэн слегка кивнул.

— Гоэн, прости, твоих крыльев больше нет, прости меня! — По мере того как Линь Цзэюй говорил, по его щекам потекли слёзы. Гоэн протянул руку и нежно стер влагу с его глаз, но слёзы всё не прекращались, сколько бы он их ни утирал.

— Всё в порядке, даже без крыльев я смогу защитить тебя, — раздался детский и в то же время хриплый голос Гоэна.

Линь Цзэюй покачал головой, и слёзы заволокли глаза, из-за чего он перестал чётко видеть лицо Гоэна.

С того самого дня, как Линь Цзэюй подобрал Гоэна, они были неразлучны. По сравнению со своим Отцом-носителем Валеном, он проводил с Гоэном гораздо больше времени. Когда Отец-носитель был еще жив, стоило ему открыть дверь комнаты, как он неизменно находил там Гоэна — куда бы он ни обернулся, тот всегда был рядом.

С самого рождения, едва открыв глаза, Гоэн привязался к нему и любил повсюду следовать за Линь Цзэюем, стремясь держаться как можно ближе. Однако, когда Гоэну исполнилось шесть лет, он почти перестал прикасаться к нему, но по-прежнему неотступно следовал по пятам, соблюдая неизменную дистанцию.

Поначалу Линь Цзэюй недоумевал и не раз спрашивал о причинах такого поведения, но Гоэн каждый раз лишь опускал голову и умолкал. Впрочем, Линь Цзэюй не стал допытываться. Он вырастил Гоэна и заботился о нем изо всех сил. Гоэн занимал особенное место в его сердце — он был одновременно и другом, и членом семьи, человеком, которого Линь Цзэюй хотел защищать всю свою жизнь. В этом незнакомом мире он воспринимал Гоэна как свою ответственность и свою опору. Когда ему исполнилось пятнадцать, а Гоэну — десять, Линь Цзэюй вступил в период эволюции. Вален рассказал Гоэну о принадлежности Линь Цзэюя к самцам и потребовал, чтобы в день эволюции тот дежурил у него и защищал Линь Цзэюя ценой собственной жизни.

Линь Цзэюй помнил тот день до мелочей: он встал как обычно, поел, попрощался с отцом-носителем Валеном и вошел в убежище, где родился.

Сидя на кровати и глядя на молча сидевшего в стороне Гоэна, Линь Цзэюй с улыбкой произнес:

— Гоэн, не нервничай. Даже если эволюция провалится, со мной ничего не случится, улыбнись.

Гоэн посмотрел на него, чуть приподнял уголки губ и серьезно ответил:

— Я обязательно защищу тебя, до самого последнего мгновения своей жизни.

Его зрачки были глубокими и твердыми, словно осенний янтарь, сквозь который пробивалось солнечное тепло. После долгих тренировок мышцы на его руках рельефно выделялись, пальцы были длинными и сильными, а ладони покрыты шрамами и мозолями. Одетый в темно-зеленую тренировочную форму, он стоял там, похожий на молодую сосенку.

Он неотрывно смотрел на сидевшего перед ним человека, и в его взгляде читались такая сосредоточенность и упорство, в которых не осталось ни капли детскости. Это было обещание, это была клятва.

Линь Цзэюй ошеломленно смотрел на Гоэна, немного выпав из реальности. Лишь в этот миг он

осознал, что Раса насекомых устроена иначе: Гоэн, казалось, и вправду вырос, и на душе вдруг стало как-то пусто и тоскливо.

Линь Цзэюй улыбнулся и тихо сказал:

— Гоэн, спасибо тебе! Но твоя жизнь еще так длинна, и будущее станет полным перемен путешествием. Ты должен выбрать собственный путь и жить для себя. Не позволяй внешнему давлению и чужим ожиданиям управлять тобой, не жертвуй своими мечтами и счастьем ради чужих надежд. У каждого свой уникальный жизненный путь, и твою дорогу должен вырисовывать только ты сам. Твое счастье — превыше всего.

Гоэн склонил голову набок и ответил:

— Я хочу защищать тебя и всегда быть с тобой.

— Я сам о себе позабочусь, не переживай.

Гоэн опустил голову, перестав смотреть на Линь Цзэюй, и упрямо, едва слышно повторил:

— Я хочу защитить тебя!

Линь Цзэюй посмотрел на макушку Гоэна, где закручивался маленький симпатичный каштановый вихор.

— Хорошо, тогда в будущем вся надежда на то, что сильный малыш Гоэн меня защитит!

Его голос был невероятно мягким, словно летний ветерок. Лицо Гоэна мгновенно вспыхнуло, жар от щек перекинулся на шею и кончики ушей.

Видя это, Линь Цзэюй снова с улыбкой добавил:

— Я обязательно заберу тебя, отца-носителя и дядю Кэя с Планеты Посо!

Гоэн тяжело кивнул:

— Угу!

Он всегда безоговорочно верил Линь Цзэюю, а Линь Цзэюй никогда его не обманывал — по крайней мере, до того, как ему исполнилось десять.

Прошло три дня, и Линь Цзэюй окончательно погрузился в период эволюции. Боль была невыносимой: ему казалось, что его плоть и кровь кипят, кости трещат, каждую мышцу разрывает на части, а хвост жука безумно метался, хлеща по ногам и спине и оставляя багровые рубцы.

Гоэн сидел на корточках у двери, прислушиваясь к доносившимся изнутри стонам и рычанию. Его ногти до боли впились в колени, содрав кожу и пустив кровь. Зрачки судорожно сжимались, крылья беспокойно трепетали, на висках вздулись вены, а надбровные дуги покрылись темно-бурым панцирем, грозя в любой момент сорваться в полную трансформацию.

Он не мог войти: эволюционный процесс самца нельзя было прерывать ни на секунду. Он изо всех сил старался сдержать себя, искусав губы в кровь, которая капала на ноги, смешиваясь с кровью, струившейся из растерзанных колен.

<http://bllate.org/book/20932/2119254>